

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

Prix: 50 centimes.

Вторник 27 сентября 1881
15 сентября

Отдельные номера продаются по 50 сантим. въ книжномъ магазинѣ Н. GEORG, Genève, rue de la Corraterie и тамъ же принимается подписка, не болѣе какъ на 4 номера, съ доставкою на домъ во все города Европы и Северо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ; цѣна за 4 номера съ доставкою 2 франка. Телеграммы, письма и корреспонденціи въ редакцію адресуются: rédaction du journal «LA PAROLE LIBRE» Poste-restante, Eaux-Vives, Genève.

СОДЕРЖАНИЕ:

1) Мечты русскаго правительства по искорененію крамолы и мѣры дѣйствительно способности водворить въ Россіи внутренній миръ. — 2) Историческая Польша и великорусская демократія, V. М. Драгоманова. — 3) Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ передъ конгрессомъ международнаго общества литераторовъ. — 4) Политическія письма (письмо третье), г-ла Б. — 5) Письма о рабочемъ движеніи, V.

Женева, 27 сентября.

По свѣдѣніямъ англійскихъ газетъ между Россіей, Германіей и Австріей ведутся переговоры о выдачѣ цареубійцы и къ обсужденію этого вопроса будутъ приглашены кабинеты англійскій и французскій. Есть даже извѣстіе (Morning Post), что Франціи и Англій угрожаютъ какія-то репрессаліи (!) въ случаѣ отказа съ ихъ стороны дать согласіе на выдачу цареубійцы. Какъ ни мало вѣроятно подобное извѣстіе, по одного его появленія на столбахъ иностранной газеты было достаточно, чтобы вызвать тревогу въ средѣ французскихъ публицистовъ. Газета «France», которую можно считать выразительницею *средня* мнѣнія французскаго общества, говоритъ по этому поводу:

„Разумѣется, мы не сторонники цареубійства. Монархъ, какъ всякій другой человекъ, можетъ ожидать защиты отъ преступленія. Его жизнь не должна находиться à la merci убійцы, собственной властью ставящаго себя судьей и палачемъ, призывающаго главу государства на судъ передъ своею совѣстью и приводящаго въ исполненіе приговоръ, который онъ осмѣлился произнести во имя своей горделивой непогрѣшимости.

„Убійство есть всегда убійство, и, какъ таковое, оно входитъ въ разрядъ случаевъ выдачи, условленныхъ между большинствомъ европейскихъ государствъ.

„Но гдѣ же тѣ преступники, что убили императора и избыли страшнаго искупленія своей вины?

„Развѣ смерть Александра II не была отомщена казною Кибальчича, Михайлова, Желябова, Рыскакова и Софін Перовской.

„Развѣ другіе раньше ихъ не заплатили жизнью за фанатическую борьбу съ самодержавіемъ?

„Развѣ Сибирь не заключаетъ въ своихъ рудникахъ, никогда не возвращающихся попавшія въ нихъ жертвы, тысячи русскихъ и поляковъ, побужденныхъ въ битвѣ за освобожденіе?

„Развѣ Нобилингъ, стрелявшій по германскому императору, не спитъ вѣчнымъ сномъ въ нѣдрахъ той же нѣмецкой земли, которую онъ обогрѣлъ королевскою кровью?

„Пусть покажутъ намъ тѣхъ убійцъ, которымъ удалось избѣгнуть кары.

„Когда намъ представлять ихъ уличенными въ преступленіи и не наказанными, тогда, смотря по обстоятельствамъ, мы будемъ въ состояніи приступить къ обсужденію вопроса. Въ настоящую минуту, этотъ вопросъ не существуетъ“.

Да, этотъ вопросъ не существуетъ и не долженъ существовать для нынѣшняго русскаго правительства. Онъ не существуетъ потому, что дѣйствительный виновникъ смерти императора Александра II, также какъ и Нобилингъ, спитъ непробуднымъ сномъ въ нѣдрахъ той самой земли, которую онъ обогрѣлъ императорскою кровью. Онъ не долженъ существовать потому, что укрывшіеся отъ преслѣдованія виновники взрывовъ полотна московско-курской желѣзной дороги и кордегардіи въ зимнемъ дворцѣ не могутъ быть разсматриваемы какъ цареубійцы, но лишь какъ виновники различныхъ по своимъ послѣдствіямъ преступныхъ дѣйствій, предусмотрѣнныхъ общими уголовными законами, ограждающими общественную безопасность. Въ одномъ изъ этихъ случаевъ вовсе не было пострадавшихъ, а въ другомъ пострадавшими лицами являются не царственныя особы, а крестьянскія семьи и люди военнаго званія изъ той же крестьянской среды.

Понятно, что переговоры, ведущіеся между правительствами трехъ императоровъ и намѣреніе привлечь къ участию въ этихъ переговорахъ правительства Англій и Франціи клонятся къ установленію точныхъ правилъ о взаимной между державами выдачѣ не однихъ только цареубійцъ, но и

всѣхъ вообще враговъ существующаго порядка вещей, замышляющихъ насильственные перевороты. Желаютъ дружнаго преслѣдованія всѣми великими державами всякихъ политическихъ заговоровъ. Желаютъ установить нѣчто въ родѣ новаго *священнаго союза* для подавленія всякой революціонной дѣятельности, и наивно думаютъ, что достигшія свободныхъ учрежденій путемъ революціи такія государства, какъ Англія и Франція, примкнутъ къ этому союзу! Но кто думаетъ? Такая блаженная мысль не могла придти въ голову ни государственному канцлеру Германіи, ни цисъ—п трансъ-лейтальскимъ министрамъ Австро-Венгріи, потому что общественная совѣсть въ этихъ конституціонныхъ государствахъ не можетъ возмущаться заговорами противъ монархическаго абсолютизма. Развѣ государственные люди этихъ странъ не понимаютъ, что въ глазахъ республиканской Франціи заговоръ противъ монархизма, даже конституціоннаго, не составляетъ преступленія? Англія же никогда и ни подъ какимъ предлогомъ не поступалась своимъ правомъ свободной страны, давать убѣжище политическимъ изгнанникамъ. Наконецъ, нельзя же въ самомъ дѣлѣ быть на столько наивнымъ, чтобы серьезно согласиться на заключеніе договора, не основаннаго на взаимности. Но кто же изъ политическихъ дѣятелей, преслѣдуемыхъ въ Германіи или Австро-Венгріи, укрывался когда нибудь или станетъ укрываться въ Россіи, которая давала у себя убѣжище только гонимымъ революціею архи-монархистамъ и ученикамъ Лойолы? Очевидно, что на данцигскомъ собраніи германскимъ канцлеромъ была сыграна шутка съ русскими дипломатами и таже участь ожидаетъ послѣднихъ и на предстоящемъ свиданіи царя съ австрійскимъ императоромъ. Цѣною жизненныхъ интересовъ Россіи будетъ заплачено за обманчивое обѣщаніе стать жандармомъ царизма на Западѣ, не включая и Бисмарка. Оскорбивъ своими домогательствами достоинство свободныхъ странъ, возстановивъ противъ себя свободныхъ мыслителей и революціонныхъ дѣятелей всѣхъ націй, петербургское правительство

по прежнему останется одно въ затягиваемой имъ борьбѣ съ своею домашнею крамолою, одно, во образѣ своего чиновничества, дипломатическаго, военнаго, гражданскаго и духовнаго, отъ котораго не перестаетъ отрешиваться и отплываться вся земля русская, все общество, пеловинное въ коронной службѣ, весь народъ, стоупий подъ гнетомъ правительственнаго произвола.

Сбылось то, чего мы ожидали, что мы предсказывали. Толкаемое внизъ по наклонной плоскости похотію мести и удупленія общественной самодѣятельности, наше правительство осталось глухо къ голосу справедливости и государственнаго смысла. Присланные изъ Берлина статуты большаго и малаго осадныхъ положеній легли въ основаніе его внутренней политики умроторенія. Не успѣвъ завѣщанный новѣйшему режиму министерствомъ „новыхъ вѣяній“ статскій секретарь Кахановъ окончить свои работы по кодификаціи „чрезвычайныхъ мѣръ“ и „упорядоченію“ административной ссылки, какъ эти работы получили силу закона и кодифицированныя чрезвычайныя мѣры высочайше повелѣно примѣнить къ обѣимъ столицамъ, къ губерніямъ, гдѣ происходили безпорядки противъ евреевъ, и къ мѣстностямъ съ ними смежнымъ (какъ напр. губ. Волынская).

Не имѣя подъ рукою этого документа чиновничьей изобрѣтательности по части утѣшенія, гдѣ, какъ говорятъ, въ видѣ всеобъемлющаго аргумента подтверждается всѣмъ и каждому о неизблемости самодержавія (въ *третій* разъ въ теченіе 6 мѣсяцевъ новаго царствованія), не беремъ судить о превосходствѣ систематизированнаго отказа въ гарантияхъ личной и общественной свободы передъ бессистемнымъ нарушеніемъ этихъ гарантий въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго царствованій. Для живущихъ въ Россіи и охраняемыхъ отъ золъ революціи вѣрноподанныхъ чрезвычайныя мѣры все же служатъ препятствіемъ къ пользованію предоставленными имъ нормальными правами, и безъ того не богъ вѣсть какими пирогами; для нихъ административная ссылка, неупущенная въ принципъ, продолжаетъ быть тяжелою карою и несправедливою угрозою въ случаѣ малѣйшаго съ ихъ стороны отпора правительственному произволу или беззаконію отдѣльныхъ агентовъ власти. На сколько же, послѣ этого, могутъ успокоительно дѣйствовать на общество эти кодифицированныя чрезвычайныя мѣры и эта упорядоченная административная ссылка? И первыя и послѣднія очевидно могутъ успокоить только тѣхъ, кому хорошо живется въ обетановкѣ, поддерживаемой нынѣшнимъ социально-государственнымъ statu quo, которые хватаются за это statu quo, какъ утопающій за соломенку. Но каково же тѣмъ, кому не въ могоу стали существующія социально-государственныя отношенія, кто возстаивалъ, возстаетъ и будетъ возставать противъ этихъ отношеній, кто отвернулся отъ прошлаго, никогда не жилъ настоящимъ

и можетъ жить только надеждой на лучшее будущее, идеей о болѣе справедливомъ, болѣе человѣчномъ социально-государственномъ строѣ? Вѣдь успокоеніе общества состоитъ именно въ успокоеніи наиболѣе культурной, наиболѣе передовой его части, неудержимо стремящейся къ прогрессу; успокоеніе народа состоитъ въ облегченіи гнетущихъ его тягостей, въ устраненіи тѣхъ отношеній, которыя отдаютъ массу въ кабалу отдѣльнымъ личностямъ, отдаютъ присущую человѣческой природѣ свободу совѣсти, мнѣнія, слова и дѣйствія на съѣденіе произволу, регламентирующему во имя интересовъ чуждыхъ народной жизни или ради охраненія безопасности и благоденствія лицъ, сидящихъ паразитами на народномъ тѣлѣ.

Когда хотятъ успокоить взволнованнаго человѣка, то прежде всего стараются отвлечь его мысли отъ причинъ его душевнаго потрясенія и направляютъ его силы на дѣятельность, которой онъ могъ бы отдать все свое вниманіе. Развѣ не такъ же слѣдуетъ поступать и съ обществомъ, — собирательнымъ цѣлымъ человѣческихъ индивидуумовъ? Потрясеніе въ массахъ и въ рядахъ интеллигентной молодежи, постепенно замыкавшейся въ тѣсныя революціонныя круги съ возраставшею въ нихъ страстію разрушительной работы, произведено у насъ хищническимъ строемъ промышленной жизни и государственнаго управленія, а также изъ году въ годъ, въ теченіе 15 лѣтъ, усиливавшимся гнетомъ административнаго произвола. Народъ раззоренъ; есть цѣлыя мѣстности, гдѣ рѣдкая семья изъ интеллигенціи не насчитываетъ своихъ членовъ въ длинномъ синодикѣ казенныхъ, подвергнутыхъ заключенію и ссылкѣ, по суду и безъ суда. Развѣ этотъ раззоренный народъ, развѣ эти повергнутыя въ отчаяніе семьи успокоятся тѣмъ, что еще нѣсколько тысячъ другихъ пойдутъ въ Сибирь, въ тюрьмы, на висѣлицу или падутъ на площадяхъ, застрѣленные войсками на законномъ основаніи, въ силу установленныхъ для той или другой мѣстности чрезвычайныхъ мѣръ? Успокоеніе придетъ, когда у каждаго отяжелетъ отъ сердца, когда каждый получитъ возможность возвратиться къ прерваннымъ занятіямъ и работамъ, подъ покровительствомъ свободы труда, передвиженія, ассоціаціи, свободы совѣсти, слова и самоуправления, работать на себя и на пользу общую.

Уничтоженіе всякихъ чрезвычайныхъ мѣръ и административной ссылки въ особенности, забвеніе прошлаго, т. е. возвращеніе семьямъ еще уцѣлѣвшихъ въ ссылкѣ и въ заключеніяхъ ихъ членовъ и всеобщая амнистія, — таковы мѣры внутренняго умроторенія, диктуемыя здравымъ политическимъ смысломъ. Въ интересахъ собственной безопасности должно требовать этихъ мѣръ все русское общество, не поддаваясь обману и заблужденію, будто бы *систематизированное* осадное положеніе и *упорядоченная* административная ссылка въ состояніи заступитъ мѣсто дѣйствительныхъ гарантий спокой-

ствія и порядка — т. е. свободы личной и общественной самодѣятельности и суда общественной совѣсти надъ нарушителями гражданского мира.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛЬША

И ВЕЛИКОРУССКАЯ ДЕМОКРАТІЯ.

V.

Представленное выше критическое отношеніе Герцена къ польскому историческому патриотизму и его социально-демократическое федеральное всеславянство не встрѣчали себѣ ни малѣйшаго отзыва въ польскомъ обществѣ, ни даже, — какъ мы помнимъ по собственнымъ наблюденіямъ изъ временъ нашего студентства (въ Кіевѣ, 1859—1863) среди молодежи. Въ польскомъ обществѣ и печати царствовало безъ соперника убѣжденіе, что „Литва и Русь“ интегральныя части Польши, — а среди польскихъ демократовъ господствовало убѣжденіе, что социальный переворотъ и даже какія нибудь уступки крестьянамъ необходимо дѣлать, соображаясь съ ходомъ вопроса о возстановленіи Польши; — а такъ какъ это возстановленіе требовало дѣятельнаго участія помѣщиковъ и даже заграничной дипломатіи, — то, понятно, что даже крайніе демократы и социалисты не могли дать вполнѣ свободнаго хода своимъ социально-экономическимъ идеямъ, какъ и своимъ свободнымъ мнѣніямъ о религіи *). Казалось бы, что при такомъ корепномъ различіи въ идеяхъ, союзъ между „Колоколомъ“ и польскими революціонерами былъ не возможенъ. И однако жъ онъ состоялся.

Герценъ рассказалъ въ своихъ замѣткахъ, какъ это случилось. (Сборникъ посмертныхъ статей, 211—216). — „Если въ Россіи, говорилъ Герценъ делегатамъ варшавскаго революціоннаго комитета, — на вашемъ знамени не увидятъ *надлѣзъ земли (крестьянамъ) и волю провинціямъ, то наше сочувствіе вамъ не принесетъ никакой пользы, а насъ погубитъ*“. — Вы будете нами довольны, — отвѣчали делегаты. — Такой разговоръ происходилъ уже послѣ редакціи прокламаціи, которая должна была появиться въ „Колоколѣ“, какъ отвѣтъ на письмо польскаго революціоннаго комитета. Въ отвѣтъ этомъ Герценъ написалъ слѣдующія рѣшительныя слова не только отъ себя, но и отъ всей своей группы: „тотъ русскій, который и на этомъ основаніи не подастъ руки полякамъ, тотъ не любитъ свободы“. Между тѣмъ, взглянувъ холоднымъ окомъ на „основанія“, начертанныя польскими делегатами, — нельзя не увидѣть, что между Герценомъ и этими послѣдними произошло крупное недоразумѣніе, граничившее чуть не съ мистификаціей.

Авторы представленной Герцену деклараціи „отъ центральнаго народнаго польскаго комитета въ Варшавѣ, („Колоколъ“, 1 октября 1862) заявили, что признаютъ

*) См. у Герцена объ отношеніяхъ Ворцеля къ окружающимъ его „революціоннымъ недорослямъ“, (Сборн. Посмертн. Статей. 123.—125).

„право крестьян на землю, обрабатываемую ими и полную самоправность всякого народа располагать судьбою своею“. Но дальше при развитии этого положения, оказалось, что надѣлы крестьянскіе, размѣръ котораго не былъ опредѣленъ,—общались „на основаніи выкупа“. Но на этомъ основаніи еще раньше назначенъ былъ крестьянамъ во всѣхъ западныхъ провинціяхъ надѣлы „отъ царя“, по Положенію 19 Февраля 1861. Новаго польскіе революціонеры общались крестьянамъ—развѣ т. наз. „прекращеніе обязательныхъ отношеній крестьянъ и помѣщиковъ и обязательный выкупъ“, —и 2) выкупъ за надѣлы, припятый прямо на государственный бюджетъ (какъ въ Австріи), а не на взносы однихъ крестьянъ. Но къ первому склонялось само правительство, въ виду рѣшительнаго нежеланія крестьянъ, особенно на Украинѣ, продолжать какія бы то ни было обязательныя отношенія къ помѣщикамъ, и требованій „царскаго выкупа“, подъ которымъ крестьяне разумѣли совѣтъ даровое для нихъ полученіе надѣловъ, а администрація разумѣла обязательный выкупъ (Основа, 1862, Сентябрь. Послѣ поѣздки на Волынь. 45) Второе напр. въ Австріи было въ сущности совѣтъ видимымъ облегченіемъ крестьянъ,—такъ какъ общее повышение податей для покрытія выкупнаго долга наложало на нихъ такую же плату, какую крестьяне платили въ Россіи въ видѣ своихъ прямыхъ выкупныхъ взносовъ. Декретъ польскаго революціоннаго правительства, изданный въ духѣ деклараціи, помѣщенной въ „Колоколѣ“, если и могъ быть гдѣ нибудь полезенъ сравнительно съ *status quo*, такъ это въ Царствѣ Польскомъ,—такъ какъ тамъ совѣтъ еще не было придумано ни патріотами—помѣщиками, ни правительствомъ общій мѣры о переходѣ надѣловъ въ крестьянскую собственность даже посредствомъ выкупа. Но тутъ этотъ декретъ имѣлъ другую слабую сторону. Онъ давалъ надѣлы, конечно, съ вознагражденіемъ помѣщикамъ, только крестьянамъ, признаннымъ сидящими на землѣ;—что же касается до безземельныхъ крестьянъ и батраковъ,—то изъ нихъ должны были получить надѣлы только тѣ, которые поступаютъ въ ряды повстанцевъ!! (Текстъ декрета см. Giller, Historia powstania narodu polskiego w 1861—1864 г. I, 312—312; переводы: въ *Affaires de Pologne. Exposé de la situation suivi des documents et de pièces justificatives.* 1862. Изданіе съ видомъ официального. 41—42. Em. Knorr. Die polnischen Aufstände seit 1830. Berlin. 1880. 312—313) *) Но по счету 1859 г. изъ 3.639.000 сельскаго населенія въ Царствѣ было поземельныхъ собственниковъ 6% (218.528, изъ которыхъ крестьянъ 21.944); сидящихъ на землѣ за панщину и чиншъ—55%, и безземельныхъ 37% (Zaleski. Stat. porown. Kr. Polskiego. I, 84).

*) Въ „Золотой Грамотѣ“, изданной послѣ къ „сѣльскому люду Подоліи, Волыни и Украины“ (Бѣлск. губ.) уже нѣтъ этого условія, но вопросъ о надѣлахъ безземельныхъ крестьянъ (которыхъ тутъ было гораздо меньше, чѣмъ въ Царствѣ Польскомъ) предоставленъ на рѣшеніе будущаго „наивысшаго сейма государственнаго“. (Giller, I 315).

Эти 37%, т. е. 1.339.403 человекъ, оставались собственныи виѣ благодѣяній декрета польскаго революціоннаго правительства. Русское правительство нашло потомъ для части ихъ земли, только конфисковавъ монастырскія имѣнія,—на что революціонное правительство не рѣшалось, по той простой причинѣ, что тогда бы оно лишилось поддержки духовенства, на которое всегда рассчитывали самые красные и самые вольнодумные польскіе революціонеры. Такимъ образомъ вопросъ о надѣлахъ крестьянамъ у польскихъ революціонеровъ 1862—1863 гг. оказывался сильно подчиненнымъ политическимъ соображеніямъ, въ совершенную противность всему тому, что по этому вопросу учили Герценъ и его друзья,—которые не замедлили бы назвать варшавскій декретъ 22 Января 1863 г. совершенно недостаточнымъ, если бы онъ вышелъ напр. отъ русскаго правительства.

Но если декларація польскихъ революціонеровъ по первому пункту требованій великорусскихъ демократовъ, по аграрному вопросу, были недостаточны,—то уступки ихъ по второму пункту,—по вопросу о „волѣ (западныхъ) провинцій“,—были совѣтъ призрачны. Уже въ самомъ заявленіи „центрального комитета“, напечатанномъ въ „Колоколѣ“ вопросъ о „полной самоправности всякаго народа располагать судьбою своею“ оказывался предпринятымъ въ пользу союза литовцевъ, латышей (винтебской и курляндской губ.), бѣлоруссовъ и правобочныхъ украинцевъ съ Польшей, по крайней мѣрѣ на время войны ея съ „Москвою“. Казалось бы „полная самоправность всякаго народа располагать своею судьбою“ должна бы обнимать собою не только свободу жить, съ сохраненіемъ автономіи, въ извѣстномъ союзѣ, но и свободу не приставать къ нему, свободу не принимать вовсе участія въ кровопролитіи, поднятомъ по соображеніямъ одного изъ своихъ сосѣдей, который добывается съ ними союза,—а если уже возставать противъ существующей политической комбинаціи, то прежде всего для себя, по своимъ соображеніямъ. Но не такъ понимали эту самоправность польскіе революціонеры: у нихъ восточные сосѣди поляковъ должны были возставать противъ „Москвы“—потому что это нужно для *Польши*, потому что *поляки*—не могутъ отъ нихъ отказаться,—а потомъ уже, возстановивъ Польшу,—и непременно Польшу 1772 г.,—сосѣди эти должны были получить свободу распоряжаться собою. Чтеніе самихъ декларацій 1862—1863 г.,—не говори уже о положеніи дѣлъ въ Галиціи, позволяетъ намъ прибавить къ словамъ „распорядиться собою“... „если только имъ это позволятъ поляки“ *).

*) Въ виду того, что нѣкоторые польскіе патріоты иногда указываютъ на нѣкоторыя права украинской національности въ Галиціи, тогда какъ русское правительство запрещаетъ печатаніе даже самыхъ невинныхъ украинскихъ книгъ, мы считаемъ необходимымъ замѣтить, что всѣ права, какими пользуются украинцы въ Галиціи, существуютъ не благодаря польскимъ политикамъ, а на зло имъ, признаны не польскими законами и учрежденіями, а австрійскими, и постоянно нарушаются и атакуются всею мѣстною польскою печатью, въ которой дѣйствуетъ много демократовъ—революціонеровъ 1863 г. Галицкая полиція (польская),

Вотъ въ самомъ, дѣлѣ какимъ языкомъ говорить декларація „центрального комитета“ о непольскихъ народахъ Польши даже въ „Колоколѣ“: „Мы (т. е. поляки) были лишены политическаго существованія насильственно. Мы этого насилія никогда не признавали и не можемъ признать. Поэтому мы не признаемъ ни новыхъ границъ, ни правительствъ, основанныхъ на развалинахъ нашей свободы. Для насъ нѣтъ *Польши* раздѣленной, для насъ *Польша* единая, та, которая состоитъ въ соединеніи Польши, Литвы и Русиновъ (каково уравненіе: $x = x + y + z$, если только y и z не равны нулю!) безъ всякой гегемоніи котораго нибудь изъ трехъ народовъ. (Почему же тогда это будетъ Польша,—и почему тутъ говорится о трехъ народахъ, когда въ одной Литвѣ 1569—1772 г., было ихъ три: литовцы, латыши и бѣлоруссы?) Выходя изъ этой точки зрѣнія, мы стремимся къ возстановленію *Польши* въ прежнихъ границахъ, оставляя народамъ въ нихъ обитающимъ, т. е. литвинамъ и русинамъ (только?) полную свободу оставаться въ союзѣ съ Польшею, или распорядиться собою согласно ихъ волѣ“. По истинѣ нельзя не удивляться наивности субъективизма и противорѣчіямъ, заключающимся въ этой тирадѣ,—по дальнѣе изчезаетъ даже противорѣчивое признаніе самостоятельности „Литвы и Руси“,—и документъ просто заявляетъ, что „союзъ членовъ“ искомой Польши „существуетъ и въ настоящее время“ и что „требовать отъ насъ, поляковъ, чтобы мы не стремились къ возстановленію Польши въ прежнихъ(?) границахъ, значитъ, требовать отъ насъ признанія раздѣловъ и отреченія отъ силы, которую придаетъ дѣлу *нашей* свободы союзъ трехъ, въ одно цѣлое соединенныхъ народовъ“. Такимъ образомъ даже въ деклараціи, представленной такимъ людямъ, какъ Герценъ, вопросъ о непольскихъ народахъ старой Польши былъ поставленъ и даже собственно уже разрѣшенъ съ совершенно субъективной, исключительно польской точки зрѣнія. Но не смотря на это, даже среди демократической партіи, оказались люди, которые находили, что польскіе делегаты въ Лондонѣ уступили слишкомъ много. Такъ генераль Мѣрославскій,—лицо какъ извѣстно, вліятельное, кандидатъ демократической партіи въ диктаторы Польши,—называлъ делегатовъ, которые совѣщались съ редакціей „Колокола“,—„радикальными чиповниками Бакунина, панславистами, которые согласились на новый раздѣлъ Польши“. (См. Мѣрославскаго: „Lettre du général Mieroslawski au major Brażewicz“, и Бакунина: *Un dernier mot sur M. L. Mieroslawski.* Genève. 1868).

Конечно, въ виду совершенно цент-

—въ числѣ агентствъ которой есть тоже не мало участниковъ революціи 1863 г., позволяетъ себѣ арестовывать у крестьянъ и сельскихъ учителей самыхъ невинныхъ книжечки украинскія, какъ это дѣлаетъ и русская полиція,—а свободная польская печать не только не порицаетъ этого, какъ это все таки, хоть изрѣдка, дѣлаетъ подцензурная русская печать, а вполне поддерживаетъ совершенно противозаконныя дѣйствія польской полиціи противъ русиновъ—украинцевъ.

ралистического характера понятій польскаго общества о народахъ старой Польши, — въ прокламации 22 Января 1863, изданной варшавскимъ центральнымъ комитетомъ, который выступалъ теперь, какъ „народное правительство“, — исчезли совсѣмъ даже тѣ „тринарода“, которые показывались въ лондонской декларации, — а признавался только одинъ „народъ Польши, Литвы и Руси“ около „народа московскаго“. (Do broni więc Narodzie Polski, Litwy! A teraz odzywamy się do ciebie Narodzie Moskiewski!). И такой рѣшительный унитаризмъ находился въ полномъ соотвѣтствіи со всѣмъ тѣмъ, что говорилось и писалось въ польскомъ обществѣ всѣхъ партій въ теченіи всего времени, предшествовавшего возстанію, особенно послѣ 1848 г. (со времени „изобрѣтенія Русиновъ“ въ Галиціи), когда польскіе ораторы и писатели развивали на всеміе лады тему: „niema Rusi, a jest tylko Polska i Moskwa“. Только уже послѣ, когда замѣчено было противорѣчіе манифеста 22 Января 1863 г., который говорилъ только о „равенствѣ и вольности всѣхъ сыновъ Польши безъ различія вѣры и племени (rodu), происхожденія и сословія“ въ одномъ „народѣ Польши, Литвы и Руси“, — съ идеей о самостоятельности непольскихъ народовъ, которыхъ тоже требовалось привлечь къ возстанію, — варшавское „народное правительство“ издало 5 Февраля особую прокламацию къ „братьямъ русинамъ“, (сочинена Гиллеромъ), но и въ ней не рѣшился не только признать русиновъ вполне самостоятельнымъ народомъ, — но даже обращаясь къ нимъ съ напоминаніемъ о томъ, будто „земля ихъ дѣлила съ (польскою) республикою общее счастье и несчастье“ (не во время ли Хмельницкаго, Палія или гайдамаковъ?) и приглашалъ не становиться виновными въ задержкѣ „возрожденія общей родины“ (Giller, I, 155). Когда въ концѣ апрѣля 1863 г. поляки приступили къ возстанію и подъ Кіевомъ и когда вопросъ объ отношеніяхъ дѣйствительной Польши къ „Руси“ получилъ особенную важность, то даже и тогда въ изданномъ „народнымъ правительствомъ“ на украинскомъ языкѣ „во имя отца и сына и святаго духа“ „Золотой грамотѣ“ вопросъ о самостоятельности „Руси“ постарались поставить какъ можно менѣе ясно. Грамота озаглавлена только: „къ люду сельскому“, — въ концѣ говорится: „къ сельскому люду Подолія, Волини и Украйны“, и только этому сельскому люду обѣщано между прочимъ „употребленіе его языка въ школахъ, судахъ и земскихъ учрежденіяхъ“, (Giller, I, 312—316) *) Подобнымъ же образомъ

*) Считаемъ нужнымъ замѣтить, что вставка словъ о „свободномъ развитіи народностей какъ польской, такъ и украинской“ въ адресѣ, который подали подольскіе дворяне въ 1862 г. 1 октября въ текстъ его, напечатанномъ у г. Гиллера, (II, 398) есть просто фальсификатъ. Въ официальномъ изданіи Les affaires de Pologne этихъ словъ нѣтъ.

Приводимыхъ у г. Гиллера словъ уже потому не могли сказать подольскіе дворяне, что у поляковъ слово Украйна — употребляется только для означенія кievской губ. (см. сейчасъ въ выдержкѣ

относились революціонеры и къ бѣлорусамъ. Такъ Константинъ Калиновскій, искреннѣйшій демократъ, печаталъ въ Бѣлостокѣ въ тайной типографіи по бѣлоруски листки: Pismo ad Jaśka haspadara z rad Wilni, — но озаглавилъ ихъ: „da mużikow ziemli polskoj“. Въ пѣснѣ, для бѣлоруссовъ назначенной, писалось: „bywaj zdagowu, mużicki narodzie“, — въ другой взывалось „hu-ha wierniem Polscze!“ и т. д. (Giller, I, 326, 334, 194) *) Только 10 мая, когда уже опредѣлился (сразу) неуспѣхъ возстанія подъ Кіевомъ, — варшавскій комитетъ редижировалъ новую прокламацию, въ которой, все таки, конечно, не отступая отъ польскаго унитаризма, заговорилъ яснѣе объ „обезпеченіи братскимъ народамъ Литвы и Руси, соединеннымъ съ Польшею, самое широкое развитіе ихъ народности и языка“ (Giller, 322—323). Но это заявленіе было столь же запоздалымъ, какъ запоздалымъ было (1849 г.), послѣ всѣхъ проявленій мадырскаго централизма и исключительности, провозглашеніе равноправности народовъ Венгрии правительствомъ Кошута уже тогда, когда Паскевичъ вступилъ въ Венгрію. Мадырамъ надо было сдѣлать подобное заявленіе по крайней мѣрѣ еще въ 1840 г., а полякамъ по крайней мѣрѣ въ 1848 г., да и согласить съ нимъ всѣ предреволюціонныя дѣйствія съ того самаго времени. Тогда бы конечно, не погибло почти напрасно столько благородной крови, — но тогда бы и воззваніе 22 Января не было пропитано такимъ польско-централистическимъ духомъ и въ деклараціи, напечатанной въ „Колоколѣ“, не было бы столько софистики, которая тѣмъ печальнѣе, чѣмъ болѣе она была искренна.

М. Драгомановъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКІЙ

ПЕРЕДЪ КОНГРЕССОМЪ МЕЖДУНАРОДНАГО
ОБЩЕСТВА ЛИТЕРАТОРОВЪ.

Второе засѣданіе (21/2 сентября) конгресса въ Вѣнѣ международнаго общества литераторовъ ознаменовалось шумною демонстраціей довольно характеристическаго свойства. Вотъ какъ

изъ „Золотой Грамоты“ а для означенія „украинской“ народности у нихъ употребляется слово *ruski* (отлично отъ *rossyjski*, *moskiewski*, великорусскій), — а также потому, что нѣкоторые изъ подписавшихъ адресъ предводителей, во время суда надъ ними въ сенатѣ, объявили, что въ присоединеніи къ Царству Польскому видятъ единственную гарантію отъ происковъ партіи „хлономановъ“, какъ тогда поляки называли сознательныхъ „украинцевъ“.

*) Кстати замѣтимъ, что пѣсни и прокламации, писанныя поляками въ 1863—63 гг. для бѣлорусскихъ и украинскихъ крестьянъ показываютъ совершенное отсутствіе реального изученія жизни и поэзіи этихъ крестьянъ и отличаются, кромѣ плохого, часто помосковленнаго языка, еще фальшивымъ тономъ: то приторно-сантиментальнымъ и салонно-клерикальнымъ, то ухорски-кабацкимъ. Тонъ этотъ вполне отвѣчаетъ характеру тогдашней пейзажно-хлоской лигатуры польской, которой не доставало вовсе здороваго народничества украинской и великорусской лигатуры.

разсказываетъ о ней репортеръ вѣнской „Neue Freie Presse“:

Во время перерыва преній по отечественнымъ вопросамъ, Ратисбонъ *) (французъ) взошелъ на трибуну. Онъ проситъ выслушать нѣкоторые его соображенія. По его мнѣнію, конгрессъ не представляетъ изъ себя только коммерческое собраніе, но служить вмѣстѣ съ тѣмъ конгрессомъ братства. Онъ напоминаетъ собранію участіе Чернышевскаго, который уже давно томится въ Сибири. Его несчастье еще тяжелѣе вымолвить, нежели его имя. Не политика побуждаетъ оратора такъ говорить, но человечность. (Какой то полякъ перебиваетъ оратора словами: „объ этомъ здѣсь нельзя голосовать“. Президентъ призываетъ его къ спокойствію). Ратисбонъ оканчиваетъ предложеніемъ, обратиться къ великодушію и справедливости русскаго императора Александра III и проситъ его объ освобожденіи Чернышевскаго (Бурныя рукоплесканія).

„Бело **“ (изъ Парижа, всакивая): — Подумайте хорошенько, господа, не повредите ли вы этимъ несчастному болѣе, чѣмъ принесете пользы.

„Полякъ, который передъ тѣмъ уже говорилъ, бросается на трибуну и кричитъ: — Фальшивый совѣтъ дать намъ г. Ратисбонъ. Имъ движетъ все таки политика. Мы, поляки, не можемъ на это согласиться.“

„Бело: — Великодушная идея очень хороша, но какое произведетъ она дѣйствіе?“

„Президентъ“ хочетъ приступить къ голосованію, но Ратисбонъ всакиваетъ съ своего мѣста и кричитъ страстнымъ голосомъ: — Я не хочу голосованія, я хочу аккламации или никакого рѣшенія!

„Президентъ спрашиваетъ, желаетъ ли собраніе подавать голоса. Результатъ получается двусмысленный, но повидному склоняющійся не въ пользу голосованія.“

„На ж: — Братство обязываетъ, чтобы предложеніе было принято по аккламации или отвергнуто, но съ тѣмъ, чтобы рѣшеніе не заносилось въ протоколъ.“

„Левенталь (изъ Берлина). Дѣло въ томъ, полагается ли кто изъ насъ на справедливость и благоволеніе царя.“

„Дебаты превращаются въ безпорядочное смятеніе противурѣчивыхъ возгласовъ. Сторонники и противники Ратисбонова предложенія накидываются другъ на друга съ горячими упреками и обвиненіями. Слышно какъ одинъ кричитъ: „у васъ нѣтъ братства, нѣтъ отдачи!“ — другіе отвѣчаютъ: „русскіе не могли бы возвратиться домой, если бы пришлось подавать голоса!“ — третьи восклицаютъ: „вы приносите ему погребъ, а не спасеніе!“

„Президентъ звонитъ изо всѣхъ силъ; онъ снова желаетъ приступить къ голосованію; но Ратисбонъ спѣшитъ на трибуну и провозглашаетъ въ сильномъ волненіи: — Аккламация или ничего! Голосованіе только вредитъ дѣлу и его безсмысленно! — Съ возрастающимъ возбужденіемъ онъ продолжаетъ: — Аккламация или ничего — моя честь этого требуетъ!“

„Опять возобновляется бурная сцена; противники предложенія кричатъ: — Nous allons au

*) Сотрудникъ Journal des Débats. Ред.

**) Извѣстный писатель романовъ возбудительнаго свойства для стариковъ и отставныхъ кокотокъ. Ред.

Kahlenberg! *) чѣмъ принуждаютъ президента закрыть засѣданіе“.

На слѣдующій день, 22 сентября, новый президентъ, Ульбахъ (изъ Парижа), заступившій мѣсто Швейгеля (изъ Берлина) объявилъ собранію: „мы не хотимъ возвращаться къ вопросу, затропутому на предыдущемъ засѣданіи нашими многочисленными товарищами Ратисбонномъ, считая этотъ вопросъ поконченнымъ“ — и собраніе спокойно перешло къ очереднымъ занятіямъ.

Въ тотъ же день въ Neue Freie Presse появилось, въ формѣ письма въ редакцію, за подписью Вацлава Шимаповскаго отъ имени его „соотечественниковъ и членовъ международного литературнаго конгресса изъ царства польскаго“, слѣдующее заявленіе, поданное ими на предыдущемъ засѣданіи: „мы объявляемъ, что не имѣемъ права (?) дебатировать предложеніе г-на Ратисбона и что не будемъ принимать участія ни въ обсужденіи, ни въ случаѣ голосованія“ по этому предмету. Къ концу конгресса послѣднее слово осталось не за Вацлавомъ Шимаповскимъ и К^о изъ царства польскаго. Въ томъ же номерѣ Neue Freie Presse помѣщено и заявленіе президента конгресса, обращенное имъ въ самомъ началѣ втораго засѣданія къ собранію литераторовъ, слѣдующаго содержанія: „въ отчетѣхъ вѣнскихъ журналовъ находится относительно случая съ Чернышевскимъ... сожалѣнія достойная ошибка, которую желаютъ исправить представители Россіи, гг. Крыловъ, де-Роберти и Венгеровъ. Наши товарищи по русской прессѣ представлены такъ, какъ будто они протестовали противъ предложенія нашего многочисленнаго товарища Ратисбона; они придаютъ значеніе исправленію такой ошибки и объявляютъ, что они говорили, что поднятый вопросъ уже обсуждался въ русской печати и что они всѣмъ сердцемъ сочувствуютъ желанію Ратисбона. Мы просимъ присутствующихъ здѣсь нашихъ товарищей по прессѣ принять къ свѣдѣнію это исправленіе“.

И такъ три русскихъ литератора напали возможнымъ присоединиться къ гуманному и вполне достойному занятію свободными профессіями предложенію г. Ратисбона, не смотря на то, что по возвращеніи въ Россію имъ могутъ угрожать тѣ же несправедливости, какъ и русскимъ подданнымъ изъ привислянскихъ губерній; они не задумались высказать свое сердечное сочувствіе дѣлу освобожденія одного изъ представителей тѣхъ самыхъ русскихъ кружковъ, которые подавали руку послѣднему польскому движенію, такъ неудачно поведенному, а потому и погибшему вслѣдъ за переходомъ его подъ начало не освободительной, а государственнопартійской партіи вѣдомыхъ патріотовъ. Къ разряду этихъ презрѣнныхъ въ глазахъ всего польскаго народа патріотовъ, очевидно, принадлежатъ и панъ Вацлавъ Шимаповскій съ братіей. Да будетъ же отнынь это имя презрѣннымъ синонимомъ труса и московскаго холопа изъ станъ тѣхъ холоповъ, которые торговали своею отчизною на Москвѣ и въ Петербургѣ и продали, наконецъ, се за тридцать юдическихъ серебришекъ, — за право угнетать и грабить народъ.

*) Каленбергъ — гора надъ Дунаемъ выше Вѣны, куда члены конгресса были приглашены на прогулку послѣ засѣданія.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ПИСЬМА.

Письмо третье. *)

Жизнь человѣческихъ обществъ также разнообразна и разносторонна, какъ и самая природа человѣка. Цѣли и задачи, для которыхъ люди соединяются въ общества, никогда не могутъ быть совершенно достигнуты, разрѣшены окончательно, какъ никогда не можетъ перестать человѣчество стремиться къ ихъ полному осуществленію. Каждая великая историческая эпоха приноситъ съ собою рядъ назрѣвшихъ вопросовъ, которые въ ней получаютъ рѣшеніе, примиряющее въ данную минуту борющіяся противорѣчія и удовлетворяющее большинство современниковъ. Разрѣшенные такимъ образомъ вопросы не исчезаютъ тогда совершенно, а отступаютъ, на время, на второй планъ, оставляя первое мѣсто въ общественномъ вниманіи вопросамъ другой категоріи, которые ожидаютъ подобный же процессъ.

XIX вѣкъ, аналитическій по господствующему въ немъ научному методу, — въ то же время, и по преимуществу, вѣкъ эклектическій и синтетическій, все въ себѣ совмѣщающій и все соединяющій. Нѣтъ ни одного человѣческаго интереса, игравшаго значительную роль въ прошломъ, ни одного могущественнаго стремленія, одушевлявшаго нѣкогда человечество, которые бы не проявились, въ новой формѣ и съ новой силою, въ нашемъ вѣкѣ. Одни за другими становятся на очереди глубочайшіе и существеннѣйшіе вопросы, и разрабатываются съ полнотою и энергіею, возможными только при той свободѣ мысли и обсужденія, которою отличается жизнь культурныхъ странъ въ XIX столѣтіи.

Таковы были, въ первой половинѣ его, вопросы конституціонные и экономическіе, за которыми слѣдовали, въ серединѣ вѣка, національные и социальныя вопросы. Менѣе выходили на поверхность (за исключеніемъ вѣнскаго государственно-церковнаго вопроса) вопросы религіозные, хотя никогда, можетъ быть, не проникали они такъ глубоко въ народныя массы. Смыслъ можно сказать, однако, что 19 лѣтъ, остающіеся до конца столѣтія, не пройдутъ безъ того, чтобы, во главѣ всѣхъ другихъ, не сталъ вопросъ о воспитаніи и образованіи, который есть ничто иное, какъ вопросъ о будущемъ современнаго общества, о будущемъ человѣческаго рода вообще.

Вопросъ этотъ, древній какъ сама общечеловѣческая природа, никогда не былъ такъ категорически поставленъ исторіею, никогда не имѣлъ такого всеобщаго, рѣшающаго, безотлагательнаго значенія, какъ въ настоящее время.

Въ древнихъ государствахъ, дѣло шло только о воспитаніи немногочисленнаго класса полноправныхъ гражданъ, воплощавшихъ въ себѣ идею государства. Въ средніе вѣка было только воспитаніе рыцарскаго и воспитаніе духовнаго сословія. Эпоха возрожденія дала намъ школу гуманизма, которой мы обязаны всей нашей культурой и которая, съ нѣкоторыми измѣ-

неніями, сохранилась и до сихъ поръ. Новый принципъ, неизвѣстный дотошъ, внесла реформація, положивъ въ Германіи начало всеобщей народной школѣ, которая потомъ, въ Америкѣ, получила широкое и практическое развитіе. Медленно и съ трудомъ проникалъ этотъ принципъ въ другія страны: только въ 60-хъ годахъ народное обученіе стало предметомъ заботы лучшихъ умовъ въ Англіи; только въ 70-хъ за него принялось государство во Франціи. Самый принципъ, однако, уже признанъ повсюду, и совершающееся преобразование всего современнаго политическаго и социальнаго строя дѣлаетъ изъ него первое необходимое условіе существованія общества. Первое необходимое условіе, — говоримъ мы, — потому, что демократическое общество, какимъ становятся постепенно всѣ европейскія націи, безъ всеобщаго первоначальнаго образованія, просто невымыслимо; — но условіе не единственное, такъ какъ общество, которое бы захотѣло имъ довольствоваться, должно было бы отказаться отъ участія въ общемъ ходѣ цивилизаціи.

Народная школа и школа классическая, даже соединенныя въ стройную систему послѣдовательнаго низшаго, средняго и высшаго образованія, не удовлетворяютъ болѣе ни требованіямъ педагогическимъ, ни нуждамъ общества. Рядомъ съ общеобразовательными училищами, явились училища, вызванныя особыми реальными потребностями, — техническія, промышленныя, ремесленныя, въ свою очередь стремящіяся группироваться по ступенямъ даваемого ими образованія и сойтись въ особую цѣльную систему. Независимо отъ всѣхъ школъ, имѣющихъ главную цѣлью умственное развитіе, на пуританской почвѣ сѣверныхъ штатовъ Америки выросла такъ называемая „воскресная школа“, исключительная задача которой — развитіе и укрѣпленіе нравственнаго самосознанія.

Вообще говоря, современный человѣкъ учится очень много, слишкомъ много, но мало извлекаетъ пользы изъ своего ученія, и даже теряетъ многое, дарованное ему природою или пріобрѣтенное предшествовавшими поколѣніями.

Школа, какъ высшая, такъ и низшая, доведена до наибольшаго совершенства въ Германіи, но опытнѣйшіе германскіе педагоги сходятся во мнѣніи, что главный результатъ ея — *притупленіе* умственныхъ способностей; въ дѣйстви своемъ на характеръ юности, она все чаще и чаще порождаетъ „абулію“, т. е. *болѣзнь воли*, жертвы которой наполняютъ нервныя лечебницы, а иногда и скамьи подсудимыхъ. Если таковы плоды правильнаго прохожденія учебнаго курса, то не менѣе печально и послѣдствіе недоконченнаго воспитанія: *полуобразованіе*, — можетъ быть величайшая язва современнаго общества; умственный пролетаріатъ недоучившихся въ школѣ, въ соединеніи съ физическимъ пролетаріатомъ городскихъ рабочихъ, развитымъ не школою а жизнью, составляетъ среду, оторванную отъ природы и не примкнувшую къ цивилизаціи, одинаково далекую

*) См. № 2 и 5 „Вольнаго Слова“.

отъ обѣихъ, существованіе которой есть главная помѣха правильному развитію общественнаго организма и источникъ явлений дикости и варварства, поражающихъ насъ въ центрахъ самой утонченной культуры.

Во всякомъ случаѣ, юноша оставляетъ школу съ возбужденною нервною и ослабленною мускульною системами, дѣлающими его всего менѣе способнымъ выносить культурную работу зрѣлаго возраста и весь, усложнившійся до безконечности, складъ культурной жизни. Жизнь довершаетъ начатое школою, и фатально ведетъ къ разслабленію организма и упадку силъ, не только культурныхъ слоевъ, но и всего населенія большихъ центровъ, постоянная убыль въ которомъ пополняется только наплывомъ жителей малыхъ городовъ и селъ, подвергающихся затѣмъ вліянію тѣхъ же причинъ.

Недавно вышедшій, замѣчательный трудъ одного русскаго ученаго *) видѣтъ въ истощеніи жизненности и послѣдовательномъ исчезновеніи привилегированныхъ классовъ и аристократическихъ націй вообще необходимое слѣдствіе ихъ исторической дѣятельности; вооруженный всѣми средствами новѣйшей науки, авторъ какъ бы возобновляетъ, возводя его въ законъ человѣческой природы, знаменитый тезисъ Руссо о вредномъ дѣйствіи на челоѣчество наукъ и искусствъ. Неужели бѣгство на лоно природы, которое проповѣдывалъ великій женеvскій философъ, — наше единственное спасеніе отъ губящей насъ цивилизаціи?...

Какъ бы широко ни была понимаема задача политики, она встрѣчается, однако, предѣлы въ самомъ существѣ своего предмета. Естественная наука, философія и религія могутъ разсматривать челоѣчество независимо отъ государства или культуры; политика знаетъ только государство, какъ высшую форму культурнаго общенія, полноправными, полезными участниками въ которомъ могутъ быть только приготовленные къ нему цѣлесообразнымъ воспитаніемъ. Школа, поэтому, есть необходимое преддверіе гражданства, воспитаніе — первая изъ политическихъ задачъ. Реформа современной школы, очевидно неудовлетворительной и вредной, есть самая настоятельная изъ реформъ и та именно, которая должна предшествовать всѣмъ другимъ.

Эта реформа должна быть также радикальна, какъ велико зло, отъ котораго страдаетъ современная школа. Подобно тому какъ гуманисты XV вѣка освободили школу отъ наклонившагося хлама схоластики и открыли путь къ новой и высшей культурѣ, такъ и педагогамъ XIX вѣка слѣдуетъ избавить мозгъ юношества отъ подавляющаго и разрушающаго его многоученія и возстановить равновѣсіе между умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ, между дѣятельностью духа и тѣла; это будетъ лучшее наслѣдіе, которое нашъ вѣкъ оставитъ XX-му. Если позволено искать въ прошедшемъ идеала для буду-

щаго, то такимъ можетъ быть только гармоническое воспитаніе древнихъ грековъ, въ одно время производившее и людей и гражданъ; конечно условія культуры и жизни усложнились съ тѣхъ поръ чрезвычайно, но неужели современная цивилизація только и могущественна, что въ сферѣ матеріальной? Какъ бы то ни было, но и новѣйшіе преобразователи находятся въ томъ же положеніи, какъ и законодатели древности: свои преобразования они должны начать съ воспитанія общества. Эту истину болѣе или менѣе ясно понимаютъ всѣ партіи и группы политическія, социальныя, религіозныя, національныя; они знаютъ, что общество будетъ принадлежать тому, кто овладѣетъ школою, и вотъ почему вопросъ о воспитаніи призванъ сдѣлаться въ недалекомъ будущемъ главнымъ поприщемъ состязанія всѣхъ борющихся въ государствѣ элементовъ.

Б.

ПИСЬМА О РАБОЧЕМЪ ДВИЖЕНІИ.

V

Содержаніе манифеста или «памятной записки» «нѣмецкаго рабочаго общества» въ Лондонѣ. Реорганизація большинства членовъ социально-демократической партіи подъ руководствомъ прежнихъ вождей въ нелегально дѣйствующую партію. Даныя для характеристики ея взглядовъ. Описаніе одного собранія въ Берлинѣ, какъ иллюстрація способовъ публичнаго и легальнаго заявленія социалистами своихъ тенденцій.

Протестъ общества самообразованія нѣмецкихъ рабочихъ въ Лондонѣ противъ поведенія депутатовъ-соціалистовъ въ парламентѣ послужилъ первымъ поводомъ или толчкомъ къ выдѣленію новой фракціи въ рядахъ германской соціальной демократіи. Познакомимся теперь съ его содержаниемъ.

„Нѣмецкіе соціалисты Лондона разсматриваютъ социалистическій законъ (т. е. противъ соціалистовъ) октябри прошлаго года и его толкованіе не только какъ покушеніе на свободу германскаго народа, но и какъ грубый актъ насилія противъ одного многочисленнаго класса, какъ объявленіе соціальной демократіи безправною, чего она никогда не должна признавать и наоборотъ обязана постоянно протестовать противъ этого акта“.

„Изъ этой точки зрѣнія вытекастъ и измѣнившееся положеніе *) партіи, положеніе непосредственно порожаемое способами преслѣдованія“... „До тѣхъ поръ, пока какая нибудь партія равноправна съ прочими, умѣренная тактика можетъ быть очень цѣлесообразна; но если ей запрещаютъ публично хотя одно слово сказать относительно сущности своихъ принциповъ, когда даже чисто ремесленное движеніе запрещено и толкованіе закона.... приводитъ къ самому грубому подавленію открытаго проявленія всякой свободы, — тогда партія обязана устранить малѣйшую тѣнь признанія подобнаго положенія вещей“... „Партія лишняя правъ, если измѣняетъ своимъ принципамъ, хотя бы для виду, временно, или даже только

умѣряетъ ихъ, этимъ самымъ въ дѣйствительности совсѣмъ оставляетъ ихъ: это обусловливается тѣмъ обстоятельствомъ, что партія можетъ достигнуть побѣды только путемъ непрестанной борьбы и неизмѣнной приверженности своимъ принципамъ“. Поэтому, задача преслѣдуемой партіи должна состоять въ отысканіи путей и средствъ для полнаго заявленія своихъ принциповъ и „въ тоже время пользоваться и развивать моральную ненависть народа противъ насилія“. При этомъ слѣдуетъ взвѣсить вопросъ, цѣлесообразно ли для соціалистовъ пользоваться парламентаризмомъ въ Германіи, когда депутаты отъ рабочихъ не могутъ свободно выражать свои взгляды въ рейхстагѣ, и всякая избирательная агитація запрещается социалистамъ. „Желать парламентаризма безъ малѣйшей свободы слова, быть вынужденнымъ умолчать о своихъ истинныхъ убѣжденіяхъ — если не больше — это путь, который пройдетъ либеральной, когда то демократической буржуазіей“... Парламентаризмъ не возможенъ „для нашихъ депутатовъ“; газетная и брошюрная социалистическая пресса немыслима, какъ и всякая открытая агитація; „стало быть всѣ условія легальнаго распространенія нашихъ принциповъ отрѣзаны“.

„Что же остается дѣлать нашимъ товарищамъ въ Германіи?... *Путь тайной агитаціи*... Отъ того, кто поставленъ внѣ закона, нельзя ожидать, чтобы онъ иначе поступалъ“. „Соціальная демократія по своимъ принципамъ и цѣлямъ революціонна; такова и германская (соціал)демократія“... До сихъ поръ она представляла собою партію реформъ, которая, однако, ничуть не скрывала, что „отъ противниковъ зависитъ, осуществится ли социализмъ путемъ реформъ или революціи. Въ этомъ смыслѣ нѣмецкіе соціалисты не были дѣлателями революціи (Revolutionsmacher)“. „Но когда такой партіи путь реформъ вполнѣ отрѣзанъ; когда правительство и господствующіе буржуазные классы показываютъ, что они изъ исторіи революціи ничему не научились и обширную, представляющую почти весь рабочий классъ партію ставятъ внѣ закона, тогда послѣдняя не только вправѣ, но и обязана готовить народъ къ тому моменту, когда революція будетъ ему навязана не терпимыми и тираническими противниками, какъ единственное средство спасенія“.

Такова единственно достойная дѣятельность нашихъ товарищей при современныхъ обстоятельствахъ. Половинчатость, отреченіе отъ принциповъ подъ предлогомъ сохраненія легальной дѣятельности не должно быть допускаемо...

„Только борьба ведетъ къ побѣдѣ! Молчаніе убиваетъ идею. Сообразно этому и дѣйствуйте!“

Этотъ протестъ, обнародованный въ формѣ товарищескаго обращенія къ нѣмецкимъ соціалистамъ, безъ всякихъ оскорбительныхъ намековъ на отдѣльныя личности, появился впервые въ 12 № отъ 27 апрѣля 1879 г. лондонской „Freiheit“. Мы ограничились передачей только нѣкоторыхъ, наиболее существенныхъ частей этого манифеста. Какъ видите, никакого поваго принципа оппози-

*) Etudes sur la sélection dans les rapports avec l'hérédité chez l'homme par le Dr. P. Jacoby. Paris.

*) Въ смыслѣ поведенія или тактики.

ция не выставлялась здесь. Она целиком остается верна прежнему знамени и заявляет только о необходимости припяться систематически за *незаконные* способы печатной и устной пропаганды и агитации для того, чтобы иметь возможность проводить в сознание масс целиком, а не наполовину, принципы социализма. Мысль об оставлении избирательной агитации высказывается здесь еще далеко не в категорической форме. Что касается до „подготовления“ масс к революции, то и в этом пункте оппозиция в сущности не много отступает от основной точки зрения социальной демократии. Не о заговорах и мелких бунтах или терроре тут речь идет, а лишь о систематическом воспитании рабочей массы в мысли о необходимости быть готовой к вооруженному возмущению, которое реакция своим гнетом сдѣлает неизбежным. В предѣлах этих требований относительно образа деятельности партии при господствѣ „исключительного закона“ упомянутый манифест выражал собою стремление и воззрѣніе по крайней мѣрѣ весьма значительной части наиболѣе развитых членов германской социальной демократии. Это доказывается и одобреніем этого манифеста нѣмецкими рабочими обществами за границей (которые, замѣтим кстати, находятся съ своими единомышленниками на роднѣ въ несравненно большем общеніи, чѣмъ обстоятельства позволяют установиться между русской эмиграціей и ея сотоварищами внутри Россіи), и сочувственными отзывами изъ разныхъ концов Германіи, и заявлениями со стороны разныхъ делегатовъ на Виденскомъ конгрессѣ 1880 г., заявлениями, приведенными мною отчасти въ предыдущемъ письмѣ. Наиболѣе ясно и интенсивно сознавалась и чувствовалась необходимость организовать тайныя средства агитационно-пропагандистской деятельности повидимому берлинскими социалистами, какъ это видно изъ предложеній, внесенныхъ ими на обсужденіе конгресса *).

Не смотря, однако, на все это, парламентскіе депутаты партии и часть другихъ бывшихъ официальныхъ ея представителей выступили устно и письменно съ цѣлымъ рядомъ нападеній на Моста, какъ на инициатора или точнѣе наиболѣе талантливаго выразителя этой оппозиціи. Это обстоятельство еще болѣе обострило характеръ борьбы послѣдней противъ удержанія прежней тактики. Сначала оно внесло личное раздраженіе и даже озлобленіе по отношенію другъ къ другу въ рядахъ консерваторовъ и революціонеровъ социальной демократіи Германіи. Но скорѣе взаимная борьба этихъ элементовъ привела и къ болѣе существеннымъ послѣдствіямъ: группы, примыкавшія къ „Freiheit“, сдѣлали еще нѣсколько шаговъ въ лѣво, заявивъ себя фракціей „социальныхъ революціонеровъ“; социалистическіе же депутаты рейхстага съ прочими, менѣе рѣшительными изъ руководящихъ элементовъ партии, рѣшили сдѣлать уступку требованіямъ оппозиціи, отчасти потому, что лучшіе изъ нихъ сами убѣдились въ необ-

ходимости организовать тайную пропаганду, отчасти изъ опасенія, чтобы масса социалистическихъ рабочихъ окопательно не ушла въ лагерь „социальныхъ революціонеровъ“. Поэтому, въ то время, какъ въ „Freiheit“, чаще и чаще начали появляться статьи и корреспонденціи, проникнутыя тенденціей къ непосредственно революціонному дѣйствію, въ видѣ бунтовъ и террора, болѣе умѣренные элементы выступили въ Цюрихѣ съ своей газетой „Соціально-демократъ“, тайно распространяя ее въ Германіи *). Этимъ фактомъ противники „Freiheit“ открыто признали необходимость тайной организации для партии и незаконныхъ способовъ деятельности. Конгрессъ же ихъ въ августѣ 1880 г. въ Швейцаріи рѣшилъ даже вычеркнуть изъ программы слова „законными путями“, какъ несоотвѣтствующія созданному Бисмаркомъ беззаконному положенію партии. Такимъ образомъ, конгрессъ изъ членовъ, наиболѣе склонныхъ къ легальной и реформаторской деятельности торжественно и единодушно призналъ необходимость для партии организоваться тайнымъ образомъ и вести „противозаконную“ пропаганду и агитацию.

Безъ всякаго сомнѣнія, эта уступка новымъ тенденціямъ въ средѣ партии, вызваннѣе „объявленіемъ ея виѣ закона“ дала возможность старымъ ея вождямъ удержать въ своихъ рукахъ прежнее вліяніе на большинство членовъ и помѣшать дальнѣйшему развитію и упроченію фракціи „социальныхъ революціонеровъ“. Такъ какъ большинство этихъ руководителей продолжалъ пользоваться свободой въ предѣлахъ Германіи, то имъ сравнительно и не трудно было и реорганизовать партию соотвѣтственно новымъ обстоятельствамъ и удержать управленіе ея непосредственно въ своихъ рукахъ. По словамъ самихъ агитаторовъ „социально-революціонной“ фракціи, послѣдняя, хотя и имѣетъ группы приверженцевъ въ главныхъ центрахъ Германіи, однако крайне плохо организована; между тѣмъ какъ „социально-демократическая партия“ съ небольшими измѣненіями сохранила даже свой прежній централистическій характеръ. Центральное управленіе ея состоитъ изъ старыхъ руководителей, болѣею частью людей талантливыхъ, постоянно развѣзжающихъ по Германіи, тайно агитируя и поддерживая связь и дисциплину во всѣхъ группахъ партии.

Помимо того, что большинство наиболѣе популярныхъ представителей социальной демократіи и наиболѣе опытные организаторы оказались на сторонѣ тайно организовавшейся „социально-демократической партии“, слабость новой фракціи—социальныхъ революціонеровъ—вытекаетъ до известной степени изъ характера ея агитации. Толкуя постоянно о *революционныхъ* способахъ борьбы въ противоположность избирательной агитации, органъ ея „Freiheit“ въ тоже время не представляетъ никакой конкретной программы дѣйствія. Я присутствовалъ въ Бернѣ въ собраніи „нѣмецкаго общества“ рабочихъ, гдѣ реферировали два изгнанные

изъ Лейпцига приверженцы „Freiheit“. Оба они констатировали тотъ фактъ, что подъ вліяніемъ послѣдней возникло во многихъ мѣстахъ критическое отношеніе къ исключительно мирной пропагандѣ, и въ особенности къ выборамъ, и въ тоже время никто не знаетъ за что другое припяться и какъ припяться. Замѣтимъ здѣсь еще, что фракція „социальныхъ революціонеровъ“ не имѣетъ въ сущности одного объединяющаго принципа, потому что въ составъ ея входятъ и члены съ якобинскими тенденціями, и анархисты, и даже социалдемократы, только въ какомъ нибудь отношеніи недовольные старыми вождями.

Для характеристики взглядовъ реорганизованной „социально-демократической партии“ приведемъ здѣсь нѣсколько извлеченій изъ брошюры: „Революція или Реформа? Что должна дѣлать нѣмецкая социальная демократія?“ (Напечатана и издана въ Цюрихѣ).

„До лѣта 1878 г. не мало нѣмецкихъ социалистовъ вѣрило въ мирный путь или по крайней мѣрѣ допускало его теоретически“. „Считали возможными уступки со стороны господствующихъ классовъ и ссылались на 4 августа 1879 г. и „добровольный“ отказъ отъ дворянскихъ привилегій, упустивъ изъ виду, что ему предшествовали мѣсть и сжиганіе замковъ, со стороны крестьянъ, а послѣ него наступила эмиграція, заговоры роялистовъ и вандейская война“. Исторія доказываетъ, что народъ только путемъ борьбы можетъ улучшить свое положеніе, *вынуждая* господствующие классы отказаться отъ своихъ привилегій. „Поэтому передовые борцы народа должны направлять свои усилія на то, чтобы они возможно скорѣе оказались въ состояніи *вынуждать* (erzwingen)“. И такъ господствующій классъ готовъ для упроченія своего положенія пустить въ ходъ матеріальную силу: — „войско, полицію, суды, церковь и т. д., чтобы довести до сраженія на жизнь и смерть, то мы должны готовиться къ тому, что *неизбѣжно*,—къ *революціи*“....

„Самая главная часть подготовленія къ революціи состоитъ въ непрерывномъ укрѣпленіи и усовершенствованіи обихъ основъ всякой партии: *агитации* и *организации*. Открывать нашему освободительному ученію доступъ во все болѣе и болѣе широкія сферы нѣмецкаго народа, устранить всѣ препятствія народнаго освобожденія и опоры господства насилія — рабскія чувства, малодушіе, равнодушіе, невѣжество въ политикѣ и общественномъ хозяйствѣ,— замѣнить ихъ сознаниемъ человѣческихъ и гражданскихъ правъ, пониманіемъ истинныхъ интересовъ народа... пробудить въ немъ гордость и упорство свободномыслищаго, страстное стремленіе положить скорый конецъ“ современнымъ несправедливостямъ, возбудить ненависть противъ притѣснителей и рѣшимость къ мужественной, полной тягостей и жертвъ, борьбѣ противъ современнаго насилія — такова первая задача социальной демократіи. Осуществлять ее необходимо „всевозможными способами,—путемъ агитации въ семействѣ, среди друзей, въ мастерской, въ трак-

*) См. предыдущее письмо.

*) Осенью 1879 г., слѣдовательно черезъ годъ послѣ изданія закона противъ социалистовъ.

тирѣ, на улицѣ, устно и при посредствѣ контрабанднаго распространенія летучихъ листовъ и органа партіи“. Вторал, по одинаковой важности задача заключается въ слѣдующемъ: всѣ убѣжденные социалисты должны находиться между собою въ постоянной связи для соединенной работы на пользу цѣлей партіи. „Это преобразование безформенной массы въ цѣлое, пропихнутое сознаниемъ своей цѣли“ осуществляется посредствомъ организации. Гдѣ только есть социалъдемократы, „они должны, приспособляясь къ мѣстнымъ обстоятельствамъ, образовать одно или нѣсколько *тайныхъ обществъ*“, правильно собирающихся и состоящихъ при посредствѣ довѣренныхъ лицъ въ правильныхъ сношеніяхъ съ другими вѣтвями партіи, съ ея центральнымъ правленіемъ и съ редакціей органа партіи“. Подобнымъ же образомъ и пребывающіе за границей единомышленники (пѣмцы) должны составлять изъ себя общества и паходиться при посредствѣ главнаго правленія партіи въ постоянномъ общеніи съ Германіей.

Рядомъ съ этой дѣятельностью, направленной къ формированію революціоннаго авангарда, брошюра (она прежде печаталась отдѣльными статьями въ органѣ партіи и можетъ считаться полнымъ выраженіемъ принципиальныхъ и тактическихъ взглядовъ партіи) настаиваетъ на томъ, чтобы пользоваться стремленіемъ народа къ частнымъ улучшеніямъ, какъ средствомъ агитаціи среди массы. Последняя болѣе воспримчива къ требованіямъ въ родѣ ограниченія рабочаго времени и т. п., чѣмъ къ слишкомъ отвлеченной для нея идеѣ кореннаго общественнаго переворота. „А затѣмъ, откуда рабочимъ почерпать вѣру въ свои силы преобразовать цѣлый міръ, когда имъ говорятъ, что они не въ состояніи добиться даже мелкихъ измѣненій“? Сила сохраняется и увеличивается путемъ упражненія. Поэтому и въ виду подготовленія силъ для революціи необходимо пользоваться „мелкой войной“, мирной“ борьбой во имя отдѣльныхъ требованій рабочихъ“.

Несомнѣнно, что, за исключеніемъ многихъ анархистовъ, стоящихъ въ рядахъ „соціально-революціонной фракціи, *принципиальныхъ* разногласій между ею и социальными демократами не существуетъ. Приведетъ ли взаимная борьба этихъ фракцій въ будущемъ къ выработкѣ и примѣненію на практикѣ чисто революціонной тактики въ духѣ „Freiheit“—это, конечно, больше всего будетъ зависѣть отъ дальнѣйшихъ подвиговъ реакціи. Уже теперь появляются въ „Соціалъдемократѣ“ извѣстія вполне достовѣрныя объ угрожающихъ письмахъ къ правительственнымъ чиновникамъ. И эти письма исходятъ отъ элементовъ, стоящихъ внѣ обѣихъ фракцій. Факты, вызывающіе эти угрозы, такого рода, что самъ „Соціалъдемократъ“ дѣлаетъ подобныя замѣчанія: „Продолжайте только на этомъ пути, доводите до отчаянія выброшенныхъ, благодаря вашему экономическому порядку, на мостовую, и они перестанутъ ограничиваться угрожающими письмами“. Съ другой стороны, подъ влияніемъ правительствен-

ныхъ преслѣдованій, въ средѣ социалистовъ-рабочихъ растутъ все больше и больше раздраженіе и потребность мести. Не мало есть между ними такихъ, которые не удовлетворяются тайнымъ распространеніемъ брошюръ и газетъ и стремятся къ болѣе острой и интенсивной формѣ борьбы, хотя еще и сами недоумѣваютъ, какъ за нее приняться: что касается до предлагаемой „Соціалъдемократомъ“ тактики, состоящей въ сочетаніи тайной пропаганды и организаціи наиболѣе сознательно-революціонныхъ элементовъ съ легальной агитаціей въ пользу частныхъ реформъ*), то до сихъ поръ на дѣлѣ ведется перваго рода дѣятельность. Вторая же едва ли и осуществима, въ виду того, что ни собраніе, ни газета, какъ бы умѣренны ни были ихъ требованія, не мыслимы, лишь только замѣчается какая нибудь связь съ извѣстными правительству социалистами. Только въ политическихъ собраніяхъ, созываемыхъ противниками, социалистамъ удается иногда открыто высказаться или по крайней мѣрѣ проявить свои тенденціи. Если принять во вниманіе, что оппонентами со стороны социалистовъ обыкновенно являются простые рабочіе, часто обремененные семьей и что, слѣдовательно, открытымъ заявленіемъ своего образа мыслей, они весьма многимъ рискуютъ, то всѣ подобныя манифестаціи могутъ служить довольно существеннымъ масштабомъ для оцѣнки степени проникновенія социализма въ массу. Одна изъ характерныхъ манифестацій подобнаго рода произошла недавно въ Берлинѣ. Приведу здѣсь описаніе ея по сообщеніямъ умѣренно-либеральныхъ газетъ, подтверждаемымъ, впрочемъ, и „Соціалъдемократомъ“.

10 сентября (новаго стиля) кандидатъ консервативной партіи на выборахъ въ рейхстагъ созвалъ на собраніе избирателей VI округа въ Берлинѣ. Уже передъ открытіемъ собранія, въ которомъ было около 1000 человекъ, замѣтно было, говоритъ корреспондентъ Фоссовской газеты, что большинство состоитъ изъ социалъдемократовъ. По требованію публики, инициаторамъ собранія пришлось согласиться на выборъ членовъ бюро путемъ голосованія. Президентомъ и помощникомъ его выбраны были рабочіе—соціалъдемократы. Нѣкоторые потребовали, чтобы не дать Руппелю слова. Но президентъ собранія, сигарочникъ Шталь заявилъ, что это было бы несправедливостью по отношенію къ референту. Въ томъ же смыслѣ высказался и другой членъ собранія, замѣтивъ при этомъ, что такъ какъ большинство на нашей сторонѣ, то мы сможемъ и послѣ оппонировать ему“. Рѣшено дать Руппелю слово.

„Господа, началъ послѣдній (читалъ), вѣсь радужный пріемъ очень обрадовалъ меня. (Улыбки и восклицанія: здѣсь описка въ нашемъ манускриптѣ). Соціальный вопросъ существуетъ съ тѣхъ поръ, какъ появились бѣдные и богатые. Уже Платонъ говорилъ о социальномъ вопросѣ“ (читайте громче, повторите послѣднее выраженіе—очень ужъ

*) Для вовлеченія возможно большаго числа въ борьбу и постепеннаго воспитанія въ нихъ классоваго сознанія.

оно краснорѣчиво). Онъ повторяетъ и переходитъ къ описанію социальныхъ отношеній Греціи и въ древнемъ Римѣ, гдѣ расточительность богатыхъ привела къ обнищанію народа. Далѣе онъ заявилъ, что онъ совершенно согласенъ съ Лассалемъ, и что исключительный законъ направленъ только противъ попытокъ „Маркса и его друзей превратить движеніе въ интернаціонально-революціонное. (Тутъ поднялся страшный шумъ и крики: довольно, доносчикъ, полицейская ищайка)!. „Законъ противъ социалистовъ навязанъ Бисмарку необходимостью водворить перемиріе (!) въ виду осуществленія его социальными-реформаторскими плановъ“. (Всеобщія восклицанія: рассказывайте это вашимъ антисемитскимъ лакеямъ, а не сознательнымъ рабочимъ)... Руппель, продолжая: „Вдумайтесь въ социальны-реформаторскіе планы Бисмарка и вы увидите, что они совпадаютъ съ предположеніями Лассала“. Но тутъ поднялись такіе протесты, что онъ вынужденъ былъ отказаться отъ продолженія своей рѣчи. Тогда выступилъ президентъ собранія, сигарочный рабочий Шталь:

„Г. Руппель имѣлъ дерзость утверждать, что онъ пришелъ сюда не ради пріобрѣтенія нашихъ голосовъ. Если не въ этомъ состояла его цѣль, то за нею скрывается повидимому нѣчто другое. (Восклицанія: гроши) Господа! я отецъ семейства, и потому не могу ясно выразиться; вы меня однако поймете... Я не имѣлъ въ виду грошей, заподученныхъ г. Руппелемъ, потому что сегодняшній вечеръ—будемъ откровенны—стоитъ одинъ грошъ (einen Groschen werth): по Руппелю имѣлъ въ виду еще и другого рода спекуляцію. Онъ упрекалъ прогрессистовъ за лишеніемъ рабочихъ политическихъ правъ. Что онъ однако, и его партія понимаютъ подъ свободой, я могу вамъ лучше всего сказать, потому что я самъ еврей. (Бурные непрерывныя одобренія и крики: ура! *) въ честь Штала). Но не смотря на то, что я еврей, я не подамъ своего голоса ни за прогрессиста, ни за либерала, и ужъ конечно не за Руппеля. (Шумныя одобренія): я открыто заявляю: „я выбираю рабочаго кандидата Газенклевера. (Оглушительный шумъ одобреній. Публика вскакиваетъ на стулья и столы и въ теченіи нѣсколькихъ минутъ въ залѣ раздаются крики—ура! въ честь социалъдемократіи, Лассала, Бебеля, Либкнехта и т. д.) Въ этомъ же духѣ высказывались еще два оратора-рабочіе. Механикъ Зендигъ заключилъ свою рѣчь словами: „какъ отецъ семейства, я ставлю на карту свое существованіе... Я вполне присоединяюсь къ взглядамъ Штала. Г. Руппель не прогрессистъ, не социалистъ, а никто иной, какъ блюдолизъ“. Полицейскій закрыть на этомъ мѣстѣ собраніе, которое разошлось при восторженныхъ громкихъ заявленіяхъ солидарности съ социальной демократіей.

На слѣдующій день Шталю сообщенъ приказъ объ изгнаніи его изъ Берлина. Объ участіи другихъ ораторовъ еще неизвѣстно.

*) Hochrufe.